

A person's silhouette is shown in profile, looking out a window. The scene is bathed in a deep blue light, suggesting dusk or dawn. The window shows a blurred view of greenery outside. A potted plant is visible in the foreground, partially obscuring the view.

**Иванова
Эльвира**

Сборник рассказов

18+

Эльвира Иванова
Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Иванова Э. В.

Сборник рассказов / Э. В. Иванова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В очередной сборник автора вошли наполненные трепетными эмоциями рассказ-воспоминание, романтические рассказы, размышления, басня, рассказ-отклик на печальные события, имевшие место произойти в реальности. Книга предназначена для самого широкого круга читателей. В оформлении обложки использовано фото Щербаковой Ольги.

Содержание

Это –Ба!	5
Наденька	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Это –Ба!

Посвящается той, кто уже не придёт никогда -моей бабушке.

Она перестала дышать на рассвете.

Стоял вьюжный февраль. Сретенье. Зуброва проснулась и поняла, что не слышит тихих хрипов за перегородкой между комнатами, как будто в доме, вдруг умерло всё. Все вещи вроде были на месте, но они помертвели почему -то внезапно: холодильник не гудел, лампочка телевизора не горела красным одиноким огоньком, телефон молчал, будто боясь разбудить Зуброву. Она засыпала всегда поздно, засиживаясь за столом на кухне с интересной книгой в руках, присаживаясь, время от времени, к лежанке, чтобы покурить в неё, не пуская дым по всему помещению. Приоткрывала трубу у печки, выдыхая дым в дверцу -в самое её нутро. Иногда проверяла принесённые из школы тетрадки и писала планы, пытаясь быстрее отделаться от рутинной работы, осточертевшей, казалось, за тысячу лет её трудового стажа. Зуброва смеялась мысленно над собой, бывало над тем, как она отточено выполняет каждодневные движения с утра, перед работой: ставит чайник кипятить воду, насыпает в тарелку овсянку, чистит зубы и моется, курит первую сигарету, ест распаренную кашу и пьёт кофе.

Как смогла, бабуля вырастила её, приучила думать, что профессия учителя одна из самых почитаемых и надёжных (всегда есть на хлеб, с маслом или без, неважно). Растила её с пяти лет и вышла из неё такая вот, почти чугунная или стальная, баба, умеющая выживать в сложнейших жизненных ситуациях, живая и почти невредимая. Когда между ними встал вопрос, куда идти учиться: в десятый или педучилище, другого просто Ба не допускала, Зуброва выбрала педучилище. По крайней мере так она вырвется из под надоевшей опеки, да работать пойдёт раньше, ведь Ба невечная. Хотелось, конечно, стать геологом, чтобы много путешествовать, исследуя просторы и недра земные, да на это ушло бы слишком много времени, а на Ба ещё сестрёнка младшая висит. Так и пришлось шагать по её стопам.

Потом -эта же школа сельская, в которой и училась. Была возможность уехать к другой бабушке в Прибалтику, туда, где родилась, но пожалела Ба, не смогла оставить их с сестрой и удрать за тридевять земель. Выйдя замуж, чтобы начать самостоятельную жизнь, казалось, за надёжного парня, ошиблась, и через несколько лет развелась с ним, успев родить к тому времени двоих детей. Ушла, можно сказать, «в никуда». Пожила у Ба, пока не дали этот холодный неуютный дом, который натопить как следует оказалось невозможным. Зимой мыла ребятишек в пластмассовой ванночке, поставленной на два табурета, чтобы не замёрзли. С пола сильно дуло, у кошки Муськи за ночь замерзало молоко в блюдечке, превращаясь в белую ледышку. В морозы вставала часов в шесть утра, чтобы успеть протопить печи до работы. В трубах замерзала вода, они с детьми ставили на санки огромную флягу и ехали в деревню за водой.

Дом стоял на отшибе. Ба жила в таких же условиях, получив на старость лет квартиру в старом деревянном доме, вместо благоустроенного жилья в посёлке. Очень долго они стояли на очереди в посёлке, бабуля выхлопотала в области эту привилегию, да кто -то из подружек её написал кляузу, что квартиру уже дали. Вот её и сняли с очереди. Ба проработала в школе 44 года и вполне заслужила различные блага от государства. Успела она понянчиться и с детьми Зубровой. Детишки росли долго, и, наконец, разъехались, кто куда: учиться и в армию. Ба осталась с ней. Почти слепая, она не могла скоро ходить по дому. Весь последний год они жили вдвоём с ней. Зуброва не всегда успевала посадить Ба на горшок. Приходилось убирать, мыть и всё перестирывать. По ночам старушка кричала, ей казалось, что в комнате горит свет, и работает телевизор. Имена она путала и Зуброву уже называла разными именами, считая, что та ведёт неправильный образ жизни и издевается над маленькими детьми, её правнуками. Маразм прогрессировал, а Зубровой приходилось вставать с утра на работу, кормить

Ба и выполнять свои повседневные обязанности. Иногда она делилась переживаниями с коллегами в учительской. Директриса понимающе кивала головой и предлагала сдать старушку в Дом престарелых. У Зубровой предательски чесались глаза и хотелось нагрубить директрисе, дающей бесполезные советы. В принципе, не советы нужны были Зубровой, а чуточку участия и сочувствия, которых осталось в людях так мало.

Бабулины медали ветерана труда, юбилейные награды лежали в её лакированной красной сумочке, спрятанной под подушкой. Под матрасом у неё Зуброва часто находила засохшие ломтики чёрного хлеба. Ба пережила войну и любила делать запасы. В голодные годы, по рассказам бабули, они парили морковь, брюкву, добавляли растёртую лебеду в муку и благодаря этому выжили. Конечно, помогли им сила духа, выносливость, вера в прекрасное будущее и победу коммунизма. Ба всегда жила скромно, складывала рублики на сберкнижку и в годы обвала рубля отдала накопления Зубровой с мужем, чтобы они успели что-то купить. Купили подержанный «Москвич-412». Его оставил себе бывший муж Зубровой. А мечтали купить дом в посёлке, чтобы дети развивались, ходили в музыкальную школу и спортивные секции. Когда только Зуброва начинала работать, Ба как-то сказала ей: «Слушай начальство внимательно, кивай головой, поддакивай, не прекословь, а делай тихонько по-своему, тогда и лад будет.» Советы её часто пригождались в жизни, только вот характер у Зубровой был другой, батькин, поэтому не всегда молчать она могла.

Выжила Зуброва с детьми в голодные 90-е, когда зарплату не давали по три месяца, и окорочок, купленный в магазине в долг, делился на две части: на суп и второе. Серая рисовая сечка, макароны, которые вовремя варки превращались в склизкое месиво, кабачковая икра, встававшая у детей уже поперёк горла - всё это пришлось переживать годами. Ба тоже выжила, но годы волнений и тревог, нервная работа, свалили старушку с ног.

Теперь она лежала за перегородкой, маленькая, усохшая, но тяжёлая, когда Зуброва принималась мыть её и двигать. Возле рта, на подушке, валялась долька мандарина, которую сунула ей в руку Зуброва в последнее кормление. Ба смогла съесть тогда только йогурт, запикиваемый ей в рот маленькой чайной ложечкой. На столе возле кровати сидела крыса, смотрящая на Зуброву круглыми умными глазами, будто с сожалением или сочувствием.

Потом приехали дочь с сестрой, двоюродная тётка, оставшаяся одна из близких родственников с ними в трудную минуту. Они долго не могли найти тех, кто выкопает могилу в эти вьюжные холодные дни. Снег засыпал всю округу пушистым белым покрывалом высотой, наверно, в метр. Мужики, бывшие ученики Ба, отказались идти копать могилу, ссылаясь на болезнь. Смельчаки неожиданно нашлись в соседней деревне, и Зуброва была признательна им за это. Поминки устроили в школе, которой Ба посвятила столько лет своей жизни. На похороны от РАНО никто не приехал, не прислали ни веночка, ни цветочка. «Может в газете напишут?» - подумалось Зубровой. Газета молчала, и заведующий РАНО тоже не откликнулся. «То есть, человек умер, и его будто и не было, что ли?» - возмущалась Зуброва. Ей было обидно за Ба. По делам приехав в посёлок, она зашла всё же в РАНО и высказала своё мнение по этому поводу. Инспектора молча пожали плечами и посмотрели на неё как на дуру. Зуброва заплакала от бессилия и равнодушия и уехала. Она просто знала, что Ба навсегда останется в её сердце молодой бодрой красавицей с русой косой, обвитой крендельком вокруг головы и румянцем во всю щёку. Когда-то Ба тащила её то в Москву за продуктами и к Мавзолею, то в Ленинград за продуктами и в Эрмитаж. И, может быть, её вспомнит кто-то из тех, кому она читала стихи поэтов Серебряного века, хотя, она уже и одна из тех, кто не придёт никогда.

Наденька

Француз познакомился с Наденькой на сайте. К тому времени ему настолько надоело страдать по ушедшей от него любви – девушки, принёсшей в жизнь его радость, желание оберегать, носить на руках и всячески баловать её просто потому, что от этого он испытывал огромное удовлетворение и чувство, что есть, всё – таки, в жизни смысл. Как это называлось, он даже не задумывался, возможно, это было временное помешательство или необходимость в человеческом существе, чтобы не так чувствовать своё одиночество, но, скорее всего запоздалая, какая – то больная, любовь. По сути, одиночество – непереносимое условие земного существования, и сквозило оно отовсюду. Самым тяжёлым было время между 22-мя часами и той минутой, когда он засыпал. В этот промежуток явственно ощущалось, что никому не нужно ни его бренное тело, ни душа, ни мозг, наполненный фантазиями и романтикой. Не с кем было поделиться впечатлениями о буйно цветущей природе, весело щебечущих птицах, конфликте с начальницей, выжившей из ума за столько лет работы на одном месте, уставшей от бесконечных отчётов и проверок.

Она вошла в его жизнь несмелыми шагами, будто пробуя, хорошо ли ей будет с ним, комфортно ли? Он вполне соответствовал её предпочтениям, разве что художественное видение его было другим, однобоким что ли. Её утончённые вкусы позволяли рассмотреть в некоторых вещах более глубокий смысл и неоднозначность. «Они сошлись как лёд и пламень...» - было как – будто про них.

Невысокая шатенка с чуть выпирающими верхними зубами и открытой улыбкой подошла к их компании летним вечером в центре города. Прямоком с работы она решила заскочить сюда на несколько минут, чтобы пообщаться сестрой, весело болтающей вместе с ними на какие– то общие темы.

«Это девушка моей мечты» - банально подумал Француз и расшаркался перед нею в приветствии, представившись, слегка ироничным тоном.

Она ответила ему, и «всё заверте...», как сказал бы Аверченко, будь он в тот момент здесь.

Француз долго не мог себя заставить написать ей, придумывая разные отговорки для себя: слишком уж она молода – мол, всё закончится, как всегда, ничем. Номер телефона её давно был записан в телефонной книге, а он не спешил, думал. Когда решился, смс-ка ушла к ней, как миленькая, с вопросами о природе, погоде и состоянии души. О чём ещё спросишь, только начиная общение? Пришёл и ответ, что в данный момент она прозябает среди старушек в холодной Анапе, в санатории, куда её отправили по бесплатной путёвке подлечиться. По приезду она согласилась выпить с ним кофе, так и завязался их роман длиною в четыре года. У Француза почему – то всегда было по четыре: семейная жизнь – четыре, помноженное на два, следом – связь с женщиной – четыре года, и здесь тоже. Он начал думать о сложившихся стереотипах в его забубённой жизни, и пришёл к выводу – уж не начать ли их ломать?

В общем, как он и думал, всё закончилось печально для него и просто для неё.

«Я тебя люблю как друга» - не раз заявляла она и, влюбившись в женатого мужчину, коллегу по работе, ушла к нему. Конечно, это Француз дал ей уйти. У них был уговор на такой случай. Если она влюбляется, он отпускает её. Можно ли удержать птицу в клетке? Абсолютно не стоит этого делать, ибо птица при таком раскладе медленно, но верно умирает.

Почти год у него ушёл на то, чтобы научиться смотреть на мир, окружающий его, не умереть, и просто начать обращать внимание на людей. На работу и с неё, он ходил как зомби, будто боясь расплескать боль, сидевшую у него внутри. Он уже сросся с этой болью, пригрел её за пазухой и никак не мог решиться отпустить, чтобы нить не порвалась что ли, связывающая с

Ней. Мучения могли длиться вечно, пока к нему в гости не приехал друг и, увидев его в таком состоянии, прокричал: «Да не нужен ты ей! Не нужен!»

Будто пелена спала с глаз Француза, и от крика он проснулся и ожил. «И правда ведь не нужен, что это я?» - думал Француз.

Пошёл иной отсчёт. Следующей весной стал замечать женщин: их ноги, выглядывающие из-под коротких юбочек, ярко покрашенные рты, будто просящие -поцелуй меня, волнующие полные груди, колыхающиеся при ходьбе в верхней части тела и различные манящие запахи - флюиды, исходящие от них. Француз практически отвык от всего этого, в глаза им смотреть боялся, словно мог увидеть там своё отражение или что – то, будоражащее душу. Друг просто наседавал на него со своими советами насчёт пробуждения организма и приведения его в боевой порядок. Француз понимал, что рано себя хоронить и сбрасывать со счетов и, наконец-то, решился найти себе женщину.

Так появилась Наденька. Было ей далеко за тридцать. Неплохо сохранилась, миниатюрная, жилистая, без жиринки в теле, не блещущая интеллектом, но добрая и одинокая. Прожив с ней десять лет, бывший бросил её, найдя другую -моложе и с ребёнком.

Встретились в центре. Она на ходу дописывала в телефоне кому – то смс и повела его за собой в сторону набережной. Конечно, она рассмотрела его с головы до ног предварительно, словно ощупав каждый сантиметр его застоявшегося тела и всего, что было на нём, какими – то ненасытными глазами. Француз чувствовал, что Наденьке понравился его кожаный коричневый плащ и чёрные, остроносые, начищенные до блеска, ботинки. Его ровно подстриженные волосы и аккуратные чистые ногти на руках тоже бросались в глаза при близком рассмотрении. Пройдя с ней по мосту через реку и, встретив пару знакомых, отправились на факельное шоу, по их же совету, к Речному. В конце апреля стало довольно тепло, но недолго постояв на набережной у реки, наблюдая за крутящимися огнями, они продрогли и отправились в кафе. Наденька привела в знакомую ей ресторацию с разливным пенящимся пивом и попсовой музыкой, льющей из динамиков. Француз не употреблял ничего крепче кофе на протяжении многих лет, поэтому заказал себе кофе, а Наденьке, по её желанию, пиво. В зале прибавилось народа, и музыка уже неприятно вибрировала, будто изрыгаясь и стеноя из недр музыкального центра. У Француза начинала болеть голова, а на Наденьку, неожиданно для него, подействовало пиво. Она, безрезультатно попытавшись вытащить его в центр зала, начала извиваться вокруг блестящего шеста, как змея. Народ, сидевший в зале, засуетился и начал оказывать ей знаки внимания, пожирая девушку глазами. Сама же она, нимало не смущаясь, весело и призывно улыбалась, любуясь на себя в зеркала, вделанные в стены. Французу стало жутко неудобно и неприятно. Он ждал, когда Наденька навеселится, чтобы уйти отсюда. Вступать в конфликт с местными озабоченными парнями ему не хотелось. Устав танцевать, девушка вернулась за столик. Немного остыв, она привстала со стула и, потянувшись через стол, жадно поцеловала Француза прямо в губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.